

Рецензионная палата

Николай Хренов. Русский Протей СПб.: Алетейя, 2007

Культура как открытый проект

Елена Сайко: доктор философских наук,
доцент кафедры культурологии и деловых коммуникаций Российской
академии государственной службы при президенте РФ (Москва)

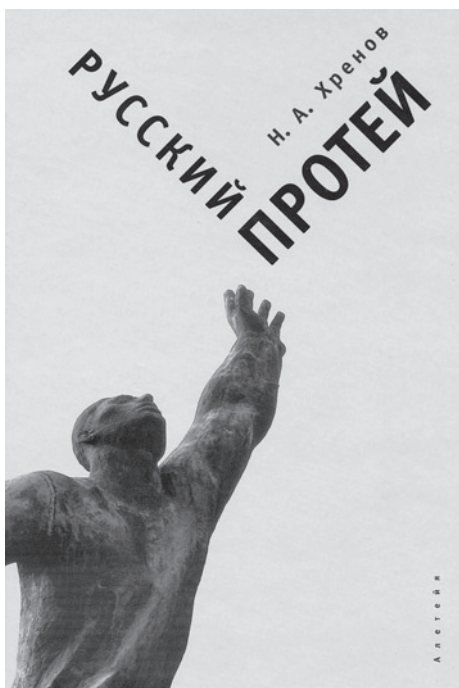
Строфа из «Одиссеи» Гомера, ставшая эпиграфом к предисловию книги «Русский Протей» известного отечественного ученого, доктора философских наук профессора Николая Андреевича Хренова, тонко и емко, как это возможно только в притче и мифе, выражает авторский замысел. Подобно Протею — морскому божеству, способному к перевоплощению, принятию разных обликов, — личность представлена многообразием психологических типов, присущих каждой культуре. Этот «ряд волшебных изменений милого лица» (А. Фет) характерен и для русской культуры.

Императив «культура — открытый проект» следует из самой позиции автора книги, считающего, что «культура любого народа является открытой системой, предусматривающей множество возможностей развития. Эта противостоящая любой форме тоталитаризма и коллективизма открытость связана с присутствием в культуре множества личных проявлений, множества типов личностей»¹⁾.

Анализируя отечественную традиционную культуру, Н. А. Хренов концептуализирует картины мира, характерные для пассионария и активно проявляющего себя мещанина-предпринимателя. В результате базовым типом в русской культуре, учитывая и социализацию картин мира, собственных перечисленным типам личности, автор полагает лиминантную личность. Для нее характерен перманентный выход из иерархической системы социальных статусов. Институционализация данного типа личности драматизирует саму политическую историю, о чем весьма красноречиво свидетельствует и весь XX век, и начало XXI столетия.

1) Хренов Н. А. Русский Протей. СПб., 2007. С. 9.

«Русская драма» XX века как тема острых дискуссий о сути и бытие тоталитаризма по-русски и шире (о ней как явлении политической истории, начало которому положил период перестройки, а завершение, по причине все той же открытости обсуждаемых вопросов, явно отложено или периодически подменяется «ложными кодами») подвигла Н. А. Хренова, ставшего активным участником этих споров и обсуждений, к созданию книги «Русский Протей». Книга Н. А. Хренова — это отнюдь не «исповедь сына века» в духе «о tempora, о mores!». Это глубокое научное осмысление драмы эпохи перемен, разыгрываемой на подмостках XX века, посредством ретроспекций, осознания реальных и размышлений над будущим.

Автор «Русского Протея» всесторонне анализирует культурные процессы посредством уже существующих методов выделения типов личности в психологии, предлага-

вая при этом свою типологию. Говоря о том, что «в русской культуре, как и вообще в каждой культуре, существует не один, а множество типов личности», Н. А. Хренов выделяет особые черты именно русской культуры, в которой решающую роль играет «один, т. е. базовый тип личности, во многом определяющий другие разновидности личности»²⁾.

По мнению автора книги, «каждый человек, тяготея к какому-то одному из многих типов, в то же время соотносится с доминантным для культуры в целом»³⁾, что позволяет определить данный механизм как протеический.

Это суждение Н. А. Хренова соотносится с мотивацией З. Фрейда взаимоотношений человека и культуры, считавшего, что и всему человечеству, и каждому человеку «трудно сносить жизнь. Долю лишений накладывает на него культура, в которой он участвует, доля страданий — или несмотря на культурные предписания, или же вследствие несовершенства культуры — исходит от других людей. К этому добавляются те ущербы, которые причиняет ему необузданная природа, человек называет это судьбой. Как следствие этого состояния, должно было развиваться состояние постоянного боязливое ожидания и тяжкое ущемление природного нарциссизма»⁴⁾.

В. Розанов отмечал, что, «если нет двух тождественных людей, как могут быть два тождественных желания в разных людях? Посему-то „общественность“ есть еще, где каждый в чем-то угнетен, придавлен соседом или соседями, а кто-то расширился и поднялся около него. Удачный, горластый, ловкий

2) Там же. С. 8.

3) Там же.

4) Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 2004. С. 128.

— расширился, скромный и сидит „скоромнее“. Итак: ложь, притеснение и хвастовство — вот три змеи, обвившие всякую общественность»⁵⁾.

Личность творческая, Художник, как правило, выражает протест против источника лишений и страданий. «Ненавижу. Боюсь. Презираю», — заявляет, к примеру, В. Розанов. Человек «развивает соответственную меру сопротивления против установления этой культуры, — поясняет З. Фрейд, — враждебность к культуре»⁶⁾. И — скрывает ее под маской.

Именно это имеет в виду Н. Гумилев, оценивая творчество Ш. Бодлера: «К искусству творить стихи прибавилось искусство творить свой поэтический облик, слагающийся из суммы надевавшихся поэтом масок. Их число и разнообразие указывает на значительность поэта, их подобранность — на его совершенство»⁷⁾. Таким образом, «протеичность» культуры в целом и личности в культуре, в особенности в русской культуре в наиболее драматичные периоды ее развития, — сколь эпатажна, столь и закономерна.

Важным является то, какой из типов личности становится доминирующим в культуре. По мнению автора книги, в русской культуре первую скрипку играет «тип лиминария, то есть тип, ориентированный на выход из сложившихся форм жизни и на переход в другие миры. Это вообще тип личности утописта, обращенного к трансцендентному и сверхчувственному»⁸⁾. Его доминирование, по мысли Н. А. Хренова, и определяет во многом катастрофичность истории России, в которой прослеживается инверсионность функционирования, и объясняет «способность представителей русской культуры систематически начинать историю с чистого листа»⁹⁾.

Доминирование лиминального типа личности не исключает, а, наоборот, предполагает многообразие типов в русской культуре, что обуславливает ее функционирование в форме диалога — дискуссионного, эристичного. Что же касается протеичности русского человека, то именно она, по справедливому замечанию автора, позволяет преодолеть барьеры и стереотипы, способствует формированию эффективного диалога. Но не протезизм как таковой побудил Н. А. Хренова к созданию книги, а сама эпоха, которую мы переживаем, тот «совершающийся на наших глазах процесс перехода к новым формам жизни, развертывающийся в том числе и на уровне психологии»¹⁰⁾. Автор называет его сменой картин мира, связывая происходящие трансформации прежде всего с активизацией делового человека («мещанина-предпринимателя») и институционализацией картины мира, ему адекватной.

Этот тип личности подвергается детальному анализу и глубокому осмыслению в четвертой главе книги «Мещанско-предпринимательская субкультура и соответствующая ей картина мира». И тому есть свои убедительные аргументы, поскольку актуализация делового человека, по справед-

5) *Розанов В.* Мимолетное // В кн.: Розанов В. Миниатюры. М., 2005. С. 363.

6) *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». С. 128.

7) *Гумилев Н.* Поэзия Бодлера // В кн.: Бодлер Ш. Цветы зла. Школа язычников. М., 2005. С. 12.

8) *Хренов Н. А.* Русский Протей. С. 11.

9) Там же.

10) Там же.

ливому замечанию автора книги, порождает инновации, сопровождающиеся многообразием аффектов, в том числе разного рода неожиданностями, которые придают эксцентричность и драматизм нашей действительности. В то же время утилитарно мыслящий тип личности, как и прежде, остается недооцененным, несмотря на свою очевидную роль в истории русской культуры — уже сыгранную и ту, которую ему еще предстоит исполнить в новой драме культуры. Именно поэтому идея Н. А. Хренова исследовать данную тенденцию в репроспективном, не лишенном антиципации аспекте, а главное, отталкиваясь от реального времени, — представляется особенно ценной. Ведь самое сложное — суметь осмыслить настоящее. Если это и удастся сделать, то, как правило, в образах и метафорах. Какие-либо закономерности, четкие понятия, стройные системы и терминологические ряды рождаются гораздо позднее, спустя десятилетия и столетия.

Автор книги, по собственному заявлению, не считает себя пророком... Но прогностом он быть обязан, особенно если речь идет об одном из доминирующих ныне и, судя по всему, не собирающемся сдавать свои позиции тренде в развитии культуры. Конечно, культура будущего — это, в известной степени, «terra incognita». Но если не обозначить сегодня подходы к ее пониманию, то она надолго, если не навсегда, останется «tabula rasa».

«Русский Протей» Н. А. Хренова — это попытка «остановить мгновение» (с пиететом апеллируя к прошлому и с интересом наблюдая за настоящим), причем в той транскрипции гетевской мысли, которую предлагает А. Блок, полагая, что мгновение не столь прекрасно, сколь неповторимо.

Действительно, стереотип восприятия, существующий по отношению к деловому человеку (мещанину-предпринимателю), сегодня крайне далек от его идеализации и эстетизации. Скорее, здесь речь может идти о хоррификации, предполагающей хаос, экспансию ужаса, страха и мотивы катастроф, которые нередко звучат в прогнозах, связанных с судьбой культуры.

Честь ли это или тяжелая участь?! Ответ стоит искать не в настоящем, а в будущем. Потому что из века в век сбывается пророчество поэта:

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут спокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

А. Блок

Книга Н. А. Хренова, посвященная исследованию картины мира в русской культуре в ракурсе характерологии народа, в контексте дихотомии «игра-ритуал» и посредством ремоделирования лиминального типа личности, помогает понять незавершенность и семантическую бесконечность самого феномена культуры. Читая книгу, не раз задаешься сакраментальным, на первый взгляд, вопросом: так что же такое «культура», в том числе — русская культура? Авторские размышления о культуре позволяют утверждать, что это открытый проект с запланированными ожиданиями и непредвиденными потерями. Непредвиденными прежде всего для тех, кто не желает (или боится?!), посмотреть в глаза многоликому Русскому Протею.

Андрей Столяров. Освобожденный Эдем М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2008

В преддверии рая

Игорь Сухих: доктор филологических наук
профессор кафедры истории литературы СПбГУ,
член Союза писателей России

Современная аналитика обращена почти исключительно к настоящему. Вырастая из конкретной политологии, которая, в основном, и ставит перед ней исследовательские задачи, реагируя на проявления современности по типу «вызов–ответ», аналитика начала XXI века инструментально пока еще принадлежит веку XX. Она по-прежнему исследует лишь те процессы, которые уже зримо выступили на поверхности, и фатально ограничивает этим свой гносеологический горизонт.

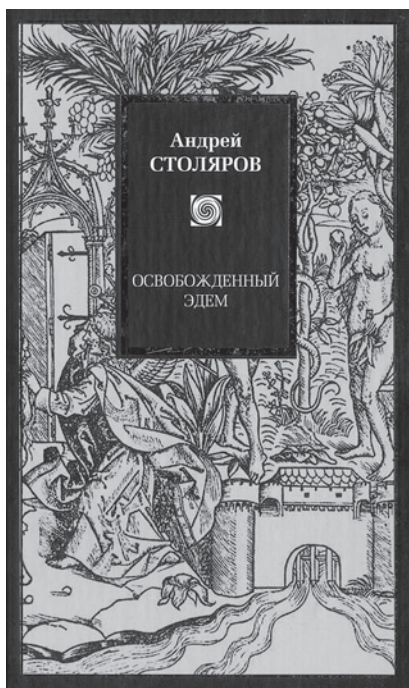
Подобная методология предполагает, разумеется, определенное прогностическое обобщение, взгляд вперед, формируемый, однако, тем способом, который еще в начале XIX столетия предложил Лаплас: динамическая фактура реальности «исчисляется» по возможности точно, собирается в векторы, экстраполируется на прилегающий временной интервал, далее волевым усилием масштабируется и приводится к общему знаменателю. Считается, что таким образом мы получаем более-менее достоверную картину будущего.

Все провалы «нормативного прогнозирования», известные в истории XX века, все его трагические несообразности, в том числе и такие, которые продемонстрировал советский социализм, связаны с фундаментальной ограниченностью данного метода.

Книга «Освобожденный Эдем», недавно вышедшая в серии «Философия» издательства «АСТ», предлагает абсолютно иной подход к проблеме будущего. Согласно концепту, который последовательно развертывает автор книги, будущее не представляет собой «продолженного настоящего». Будущее — это принципиальная новизна, «то, чего нет», и первоначально оно возникает в виде микроскопических инновационных локусов, в виде культурных, социальных или технологических «аномалий», которые далее разрастаются в мощные цивилизационные направления, буквально разламывающие собой арматуру реальности. Будущее не столько надстраивает настоящее, сколько разрушает его, превращая в социокультурный хаос. Именно поэтому будущее нельзя предсказать. Оно всегда «не такое», оно опровергает сложившуюся историческую парадигму.

С этим свойством будущего связана и проблема «конца эпохи». Поскольку будущее представляет собой принципиальную новизну, поскольку оно структурно несовместимо с текущей реальностью, то инсталляция будущего в настоящем — это, как правило, системная катастрофа, это цивилизационный распад, который в рамках исторического сознания

воспринимается как «конец света». Философская рефлексия обычно выражает это в виде большого эсхатологического концепта — о «смерти истории», «смерти бога», «смерти человека», «смерти автора» и т. д. и т. п.

Механизмом расчистки отработанного настоящего автор книги считает пересечение цивилизацией так называемого «предела сложности». Под ним подразумевается накопление избыточной структурности всей цивилизационной механики, преобладание процессов дифференциации (разобшения бытия) над процессами интеграции (поддержания онтологической целостности). Результатом этого является «первичное упрощение» — катастрофический демонтаж данной исторической фазы. В координатах современной культуры его представляет известная постмодернистская деконструкция: разборка прежде единого «текста», синхронизирующего реальность, переход в социокультурную сингулярность, которую постмодернисты называют «ризомой». А в

техносоциальных аспектах нынешнее «первичное упрощение» можно диагностировать как по динамике техногенных катастроф, имеющих неумолимую тенденцию роста, так и по аномальному разрастанию «паразитических сословий» современного общества: бюрократии, юристов, различного рода «посредников», криминального социума. Автор «Эдема» приходит к выводу, что если не начать сознательное и последовательное упрощение избыточных структурных напластований, то глобальная цивилизационная катастрофа станет неизбежной.

Крупными морфогенетическими направлениями, которые формируют сейчас ландшафт постсовременности, Андрей Столяров считает виртуализацию мира и трансформацию человека.

Виртуализация мира связана, по его мнению, с небывалой активностью сетевых структур, вызванных к жизни компьютерной революцией конца XX века. Будучи предельно лабильными как по составу, так и по конфигурации, обладая способностью мгновенно устанавливать контакты между собой, сетевые домены, образуемые большей частью спонтанно, начинают выигрывать бытийную конкуренцию у традиционных стационарных структур, отягощенных иерархией и «физической» территорией. Это хорошо заметно на примере национального государства. Возникнув по результатам Вестфальских соглашений 1645–1648 гг. и вполне успешно просуществовав более трех с половиной столетий, ныне национальное государство начинает ощутимо утрачивать свой самодовлеющий геополитический статус. Часть суверенитета оно вынуждено отдавать наверх — транснациональным организациям, которые регулируют сейчас глобальные эконо-

мические потоки, а другую часть у него явочным порядком приватизируют корпорации, предлагая человеку те социальные преференции, которые ранее считались прерогативами государства: здравоохранение, образование, страхование и так далее. Современный человек все больше ускользает из-под власти классического «надзирающего» государства и все сильнее оказывается погруженным в домены новых социоэкономических сущностей. Это заметно и по редукции идентификационной шкалы: работнику корпорации важнее его собственное продвижение внутри данной структуры, чем успехи того государства, гражданином которого он формально является.

Однако виртуализация мира имеет еще один чрезвычайно важный аспект. До сих пор искусственная реальность, создаваемая литературой, живописью, театром, кинематографом, была очень четко отделена от реальности подлинной: граница между ними была вполне очевидной и абсолютно непреодолимой. Ныне, с возникновением все более совершенных виртуальных миров, мы приближаемся к ситуации, когда эта разница исчезает. Вероятно, уже на следующем этапе технологических достижений никакими средствами нельзя будет определить — находится пользователь в виртуале или в реальности. Перед человечеством в полном масштабе встает проблема виртуального рая. Причем в отличие от рая классического, рая религиозного, кстати, уже давно утратившего первоначальный смысл, новый рай, новый рукотворный Эдем будет иметь ряд онтологических преимуществ: в виртуальном раю будут исполняться вообще все желания, а не только те, которые легитимизированы конкретной религией, виртуальный рай будет обладать высокой технической простотой — попасть туда можно будет путем элементарного нажатия кнопки, «труд души», тяжелый, но обязательный для спасения, в данном случае не будет являться необходимым; и, наконец, достичь виртуального рая можно будет в любой момент — в то время как достижение религиозного рая есть процесс однократный и необратимый.

Это ситуация, с которой человечество еще не сталкивалось. Исторически мы имеем опыт жизни в аду (как достаточно часто интерпретируется земная юдоль), но опыта пребывания в раю у нас нет.

В свою очередь, под трансформацией человека Андрей Столяров понимает внезапное возобновление антропогенеза. Согласно концепции, представленной автором, эволюция человека была в свое время остановлена нормирующей силой социума. Как только социальные отношения, еще на заре истории, упорядочились, они начали беспощадно элиминировать любые генетические отклонения. Выбраковывались в том числе и самые перспективные находки природы — вид *homo sapiens* был искусственно стабилизирован в нынешних физических и физиологических параметрах. В результате наша цивилизация стала строго антропоморфной — она вся является продолжением биологических свойств человека.

Сейчас мы наблюдаем парадоксальный отход от этой привычной антропоморфности. С одной стороны, победа либерализма, то есть приоритета прав личности над правами социума (государства), открыла дорогу к легализации биологических отклонений: в частности, с середины 1990-х гг. сначала в Скандинавии, а затем и по всей Европе началась социализация

маргинальных гендеров, обретение ими реального гражданского равноправия. С другой стороны, успехи новейших биотехнологических методов, еще вчера казавшихся чистой фантастикой, позволяют предполагать, что перспективные артефакты могут быть теперь сознательно сконструированы и в дальнейшем закреплены в виде самостоятельных эволюционных линий. Уже сейчас просматриваются основные векторы этого направления: гендерное расслоение с выделением обособленных «розовых» и «голубых» сообществ, когнитивное расслоение, то есть разделение человечества по интеллекту и образованию, техногенное расслоение, которое порождает сообщества, обладающие рядом «нечеловеческих» качеств. Счетной единицей цивилизации отныне становится разум, а физический облик его носителя значения не имеет. Вид *homo sapiens* еще остается *sapiens*, но уже чем дальше, тем больше перестает быть собственно *homo*.

Это тоже принципиально новая ситуация, и профессионального осмысления она пока еще не получила.

Причем оба глобальных процесса, видимо, сопряжены. Развоплощение человека, переход его ко множеству полиморфных сущностей можно рассматривать как своего рода биологическую виртуализацию, как утрату единства, тысячелетиями скреплявшего человечество. То есть фактически происходит гигантская трансформация мира, всеобъемлющий тотальный процесс, затрагивающий все стороны традиционного бытия. В результате возникает реальность, которая абсолютно непохожа на нынешнюю.

Таковы некоторые контуры грядущего, нарисованные в книге «Освобожденный Эдем». Метафора названия, на наш взгляд, очень точно передает ее суть. Мы сейчас вступаем в заколдованные Сады Эдема, и главный вопрос, который встает перед нами, — это что есть человек? Сохранит ли он свою природную традиционную сущность, связь с миром, когда-то породившим его, «или, прельстившись богатством иллюзорного бытия, побредет по тропинкам рая, окутанным золотыми снами? Превратится в странника, блуждающего по звездам, по новым мирам, по неисчислимым вселенным, среди которых навсегда затеряется подлинная реальность?»

В заключение добавим, что Андрей Столяров не только интересный аналитик, автор множества публикаций по проблемам постсовременности, один из победителей Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Идея для России» (кстати — за проектную разработку «Русский мир»), но и известный петербургский прозаик, автор 14 книг, лауреат многих литературных премий.

Эта вторая, литературная, ипостась автора весьма ощутима. Книгу «Освобожденный Эдем» чрезвычайно интересно читать. Автор не подавляет читателя горами плохо переваренных фактов, не закрывается от него железным занавесом бесчисленных схем и таблиц. Сложный материал изложен здесь в увлекательной форме живой беседы, драматического расследования.

Книга будит мысль, будоражит воображение, заставляет думать о том, о чем мы, как правило, не задумываемся. Это, пожалуй, главное ее достоинство. В ней действительно присутствует будущее.

Р. фон Раупах. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего)

Записки члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года

СПб.: Русская культура. Алетейя. 2007

Человек, заглянувший в лицо умирающему

Сергей Маньков: юрист, историк-генеалог,
член Международной ассоциации «Русская Культура»

Имя полковника Романа Романовича фон Раупаха (1870–1943) совершенно неизвестно широким кругам российских читателей и мало что скажет большинству специалистов. Тем не менее, действиям этого человека, сыгравшего ключевую роль в организации побега генерала Корнилова из Быховской тюрьмы в ноябре 1917 года Россия обязана возникновением Белого движения.

«*Facies Hippocratica*» — не просто мемуары, это попытка проанализировать свою судьбу в контексте пережитых событий, понять их истоки, вскрыть первопричины тех социальных болезней, которые зрели в организме русского общества и привели к 1917 году, с последовавшими за ним общественно-политическими явлениями, изменившими почти до неузнаваемости складывающийся веками образ Российского государства, психологию и менталитет его населения.

В полном смысле слова это попытка одного человека заглянуть в лицо «умирающему больному», коим было Российское государство, и понять, «диагностировать» те причины, которые приковали его к «смертному одру». Это публицистическая работа, содержащая в себе некоторые черты социально-психологического подхода, основанного на глубоком проникновении в социальные, культурные, поведенческие и иные особенности российского этноса.

Книга является продуктом своего времени, но выводы, к которым приходит автор, без сомнения, не утратили актуальности в наши дни.

С одной стороны, она продолжает традицию, начатую еще в 1909 году с выходом сборника статей о русской интеллигенции «Вехи». «*Facies Hippocratica*» также содержит острую критику русской общественности, ее нигилистических «традиций», идеологии и практических установок, таких как непонимание реалий страны, идеализация народа и полное неприятие любого конструктивного диалога с властью.

С другой стороны, Раупах вскрывает и разбирает те ошибки и роковые просчеты, которые допускала власть, начиная Русско-японскую и Первую мировую войны, ведя недалековидную национальную и внешнюю политику и пестуя эфемерные идеи о «мессианстве и избранности» России.

Порой очень остро и нелестно критикуя русскую действительность, фон Раупах остается немцем с русской душой, хорошо знавшим и любившим русскую культуру. Его патриотизм — это патриотизм честного человека, не ослепленного победами своей страны, а, напротив, глубоко

Р. Р. фон Раупах

Facies Hippocratica (Лик умирающего)

Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года

сопереживающего ее поражениям и неудачам, трезво рассматривающего окружающую его реальность и находящего смелость в роковые минуты говорить правду, какой бы она ни была.

В этом точка зрения Раупаха схожа со взглядами П. Я. Чаадаева, говорившего: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать».

У Раупаха собственный взгляд на Россию самобытен и потому интересен. Используя при работе над своей книгой множество источников, он разделяет многие приводимые в них выводы, но при этом имеет и собственные, ни на кого не похожие суждения.

Пытаясь объективно, безэмоционально и подробно рассмотреть все пережитии прошлого и настоящего России, автор не свободен от влияния на собственное мировоззрение идеологических установок, современных и популярных в то время, когда им была на-

писана эта книга. Он находился под большим впечатлением от работ советского невозвращенца С. В. Дмитриевского, что проявляется в идеализации роли большевизма в сохранении территориального единства России, особом взгляде на Гражданскую войну и отстаивании мысли о возможности перерождения Советской России под руководством Сталина в Россию национальную, имперскую и даже «народно-монархическую».

Книга «Facies hippocratica» не могла быть понята большинством современников Романа Романовича, поскольку затрагивала острые и личные для каждого его соотечественника моменты собственной биографии. Но в известном смысле она может помочь нам — людям, вступившим в XXI век, лучше понять прошлое нашего Отечества и выработать свой взгляд на явления, которые происходят в окружающем нас мире.

На страницах книги нашли отражение ключевые моменты жизни предреволюционной России: события 1905 года, Первая мировая война, известное дело полковника Мясоедова, процесс над военным министром Сухомлиновым, Распутин и многие другие. Большое место в книге уделено разбору причин поражения Белого движения.

В 1936 году небольшой отрывок из книги был опубликован в рижской газете «Сегодня». В 1939 году книга увидела свет в немецком переводе в лейпцигском издательстве. В России мемуары были подготовлены непосредственно по рукописи автора и изданы отдельной книгой впервые.